

— Нет. — Он покачал головой. Его самого не особо волновало присутствие фотографа, но каждая минута с Оу Жэньцзинем была для него драгоценна, и он совсем не хотел, чтобы их кто-то нарушал.

— Тогда договорились. Спи скорее. — Он выключил свет и лег.

Оу Шаовэнь повернулся на бок, его взгляд упал на лицо Оу Жэньцзиня. В темноте он смутно различал его черты. Дыхание мужчины было ровным и размеренным, а в воздухе витал приятный аромат шампуня.

Весь мир, казалось, был им наполнен, и в этом не было ничего скучного.

Взгляд Оу Шаовэня был настолько ощутимым, что Оу Жэньцзинь не мог его игнорировать. Спустя некоторое время он снова открыл глаза и с легкой досадой посмотрел на него:

— Почему ты сегодня не такой послушный, как в прошлый раз? Я же сказал спать, а ты все глаза таращишь.

— Прости. — Оу Шаовэнь немного подвинулся в его сторону, выпрямил голову и вернулся к своей привычной позе для сна.

Оу Жэньцзинь снова закрыл глаза, но через две секунды резко сел, оперся на руку, наклонился к Оу Шаовэню и поцеловал его на ночь.

— Ты смотрел так, будто хочешь поцеловать, но боишься. Дарю тебе поцелуй сверх плана. Спи спокойно и не вздумай ночью на меня нападать, запомнил?

— Я не...

Оу Жэньцзинь перебил его:

— Меня очень тяжело будить. Так что будь сегодня умницей, как в прошлый раз, и все будет хорошо.

Впервые он заговорил на эту тему, но, к счастью, Оу Шаовэнь не был тем, кто любит копаться в подробностях. Он серьезно кивнул, показывая, что понял.

Возможно, из-за недавней напряженной работы Оу Жэньцзинь в эту ночь спал беспокойно. Один за другим сны истощали его, и наутро он проснулся с тяжелой головой, учащенным сердцебиением и сухостью во рту. Он сел, какое-то время приходил в себя, затем повернулся к крепко спящему Оу Шаовэню и вдруг хлопнул его по щеке.

— М-м? — Оу Шаовэнь сонно открыл глаза, быстро пришел в себя и с улыбкой произнес:

— Доброе утро.

Оу Жэньцзинь потер лоб, встал с кровати и направился к шкафу:

— Мне нужно на работу. У тебя сегодня утром занятия в компании? Я тебя подвезу.

— Хорошо. — Оу Шаовэнь натянул тапочки и отправился в свою комнату умываться. Он быстро справился, и за завтраком его взгляд светился сладостью, словно поездка с ним в компанию была чем-то невероятно волнительным.

...

Выйдя из гаража, они вместе поднялись на лифте. Волнение Оу Шаовэня постепенно нарастало. Он стоял спокойно, не приближаясь к Оу Жэньцзиню и не беря его за руку, но все равно чувствовал странную радость.

Лифт остановился на втором этаже, дверь открылась, и внутрь вошла группа людей.

— Директор Оу.

— Доброе утро, директор Оу.

Все по очереди поздоровались с Оу Жэньцинем и заняли свои места. Оу Шаовэнь заметил, что среди них был и Сяо Яо. Тот не смотрел на Оу Жэньциня, а вместо этого улыбнулся ему.

В тишине Оу Жэньцинъ вдруг заговорил:

— Ты сегодня днем идешь в танцевальную студию, верно?

— Да.

— После занятий подожди меня, я заеду за тобой.

Оу Шаовэнь был немного удивлен, но просто кивнул:

— Хорошо.

Лифт остановился на шестом этаже.

— Увидимся вечером. — Оу Шаовэнь глупо помахал ему рукой.

Когда он собрался выйти, Оу Жэньцинъ схватил его за запястье. Легким движением он притянул его к себе на полшага, быстро поцеловал в щеку и отпустил.

— Увидимся вечером.

— Вау! — Кто-то в лифте невольно воскликнул.

Оу Шаовэнь в замешательстве вышел из лифта. Ему казалось, что за последние пару дней Оу Жэньцинъ стал невероятно ласковым. Но это было как раз то, что ему нравилось.

Через несколько дней вещи Оу Жэньциня постепенно переехали на виллу. Как и обещал, он переехал туда в ночь на тридцать первое. На этот раз в гостиной его ждал не только Оу Шаовэнь, но и фотограф с камерой, который сразу же направил объектив на них, как только услышал шум.

Оу Шаовэнь на мгновение замешкался, не сразу встал, чтобы встретить его. Оу Жэньцинъ, напротив, вел себя естественнее, улыбнувшись, позвал:

— Иди сюда.

Едва он подошел, как Оу Жэньцинъ потрепал его по голове. Казалось, он хотел поцеловать его, но сдержался. Перед камерой не стоило переигрывать. В конце концов он лишь спокойно спросил:

— Ты уже поел?

— Да. — Оу Шаовэнь был не в настроении. Он наклонился к Оу Жэньцзиню и шепотом объяснил:

— Фотограф даже в кухню заходил и долго снимал. Тетушка Чжоу смутилась и после еды ушла к себе в комнату.

— А ты смутился? — Оу Жэньцзинь взял его за руку и усадил на диван, понизив голос. — Ничего страшного. Мы можем говорить тихо, чтобы он не услышал.

— Может, пусть он перестанет снимать? Уже поздно, пусть идет домой. — Оу Шаовэнь не видел Оу Жэньцзиня несколько дней и надеялся, что сегодня сможет поговорить с ним подольше. — Я сегодня учился петь. Хочешь послушать?

Хотя они говорили тихо, комната была настолько тихой, а оборудование для записи находилось так близко, что фотограф все равно слышал. Он стоял перед ними, устойчиво держа камеру, и сам чувствовал, как слащаво выглядит эта сцена.

Тем временем Оу Шаовэнь начал напевать только что выученную песню.

— Ничего, тебе не нужно передо мной извиняться. Может, мне просто нравится, когда ты меня третишь. Даже если я попытаюсь полюбить кого-то другого, в конце концов это будет напрасно. Лучше вечно быть с тобой, ведь это приносит радость, правда?

Его голос был как наждачная бумага, скользящая по барабанным перепонкам, с его уникальной манерой произношения и безошибочной интонацией. Хотя это и не было чем-то невероятным, в сочетании с его серьезным выражением лица это выглядело особенно трогательно.

Оу Жэньцзинь очнулся, слегка улыбнулся:

— Красиво, но ты пока не понимаешь эмоций, которые передает эта песня, поэтому не можешь втянуть слушателя в свой мир.

Оу Шаовэнь опустил глаза:

— Учитель тоже так сказал. — Он сделал паузу. — Я понимаю эмоции этой песни. Слова же настолько очевидны. Как можно не понять?

Она описывала долгую безответную любовь и упрямого, беззаботного, но глупого человека.

Учитель, объясняя ему, специально подчеркнул это. Тогда он спросил:

— Есть ли у тебя что-то, что ты любишь сейчас и думаешь, что будешь любить всю жизнь?

— Представь, что, как бы ты ни старался, ты никогда не сможешь получить это. Но ты хочешь рассказать не о том, как ты устал или как тебе больно, а о том, насколько тебе все равно, насколько ты счастлив. Ты не можешь отказаться от этого, ты будешь и сможешь только продолжать гнаться за этим.

Он долго размышлял над словами учителя и понял, что, возможно, у него есть то, что он будет любить всю жизнь, но вряд ли есть то, за чем он будет гнаться всю жизнь. Он всегда верил, что нельзя слишком цепляться за то, что недостижимо. Возможно, именно поэтому он понимал

чувства, которые передает песня, но не мог точно их выразить.

— Хорошо, ты все понимаешь. — Тон Оу Шаовэня был похож на ребенка, который старался показать себя и ждал похвалы. Оу Жэньцинъ привычно поддержал его:

— Наш малыш такой молодец, все у него получается.

С легким прикосновением руки Оу Жэньцинъ к его голове Оу Шаовэнь мгновенно забыл все свои размышления о погоне и достижениях. Он поднял лицо, чувствуя себя счастливым:

— Пойдем наверх, хорошо?

Оу Жэньцинъ взглянул на часы, затем на фотографа:

— Давай еще немного потерпим, чтобы фотограф собрал достаточно материала, и больше он к нам домой не придет, ладно?

— Хорошо. — Оу Шаовэнь подумал и кивнул.

Оу Жэньцинъ задумался о том, что в Оу Шаовэне может привлечь фанатов, и предложил:

— Тогда научи меня играть. Ты же хорошо играешь, верно?

[Примечание отсутствует]

<http://bllate.org/book/16325/1473604>